

Лидия Чарская

КНЯЖНА
ДЖАВАХА

Любимые истории
девчонок и мальчишек

Лидия Чарская

КНЯЖНА ДЖАВАХА

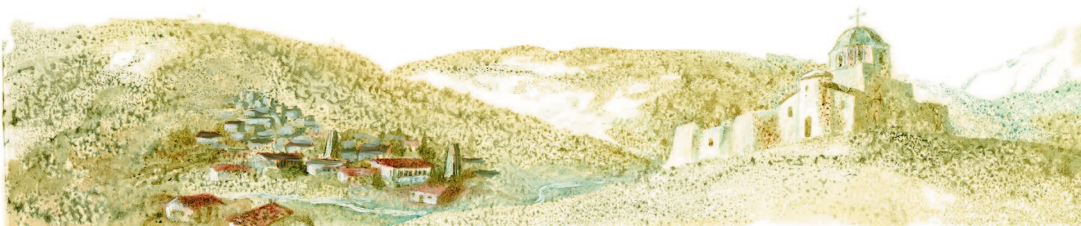
Рисунки
Анны Власовой

The background of the page is a watercolor illustration of a mountain range. A large, white, snow-capped mountain peak dominates the upper left and center. Below it, a valley is filled with green, suggesting a forest or lush vegetation. The colors are soft and blended, with various shades of blue, green, and white. The overall style is artistic and atmospheric.

Часть первая
НА КАВКАЗЕ

Глава I

ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ. ХАДЖИ-МАГОМЕТ. ЧЕРНАЯ РОЗА

7

Я грузинка. Мое имя Нина — княжна Нина Джавахоглы-Джамата. Род князей Джамата — славный род; он известен всему Кавказу, от Риона и Куры до Каспийского моря и Дагестанских гор.

Я родилась в Гори, чудном, улыбающемся Гори, одном из самых живописных и прелестных уголков Кавказа, на берегах изумрудной реки Куры.

Гори лежит в самом сердце Грузии, в прелестной долине, нарядный и пленительный со своими развесистыми чинарами, вековыми липами, мохнатыми каштанами и розовыми кустами, наполняющими воздух пряным, одуряющим запахом красных и белых цветов. А кругом Гори — развалины башен и крепостей, армянские и грузинские кладбища, дополняющие картину, отдающую чудесным и таинственным преданием старины...

Вдали синеют очертания гор, белеют перловым туманом могучие, недоступные вершины Кавказа — Эльбрус и Казбек, над которыми парят гордые сыны востока — гигантские серые орлы...

Мои предки — герои, сражавшиеся и павшие за честь и свободу своей родины.

Еще недавно Кавказ дрожал от пушечных выстрелов, и всюду раздавались стоны раненых. Там шла непрерывная война с полудикими горцами, делавшими постоянные набеги на мирных жителей из недр своих недоступных гор.

Тихие зеленые долины Грузии плакали кровавыми слезами...

Во главе горцев стоял храбрый вождь Шамиль, одним движением глаз рассылавший сотни и тысячи своих джигитов¹ в христианские селения... Сколько горя, слез и разорения причиняли эти набеги! Сколько плачущих жен, сестер и матерей было в Грузии...

8 Но вот явились русские и вместе с нашими воинами покорили Кавказ. Прекратились набеги, скрылись враги, и обессиленная войною страна вздохнула свободно...

Между русскими вождями, смело выступившими на грозный бой с Шамилем, был и мой дед, старый князь Михаил Джавах, и его сыновья — смелые и храбрые, как горные орлы...

Когда отец рассказывал мне подробности этой ужасной войны, унесшей за собою столько храбрых, мое сердце билось и замирало, словно желая вырваться из груди...

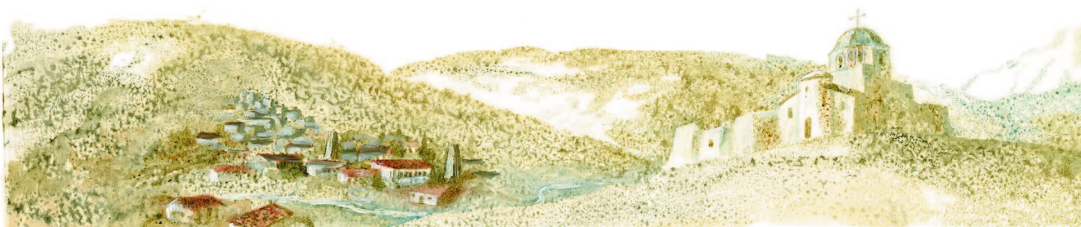
Я жалела в такие минуты, что родилась слишком поздно, что не могла скакать с развевающимся в руках белым знаменем среди горсти храбрецов по узким тропинкам Дагестана, повисшим над страшными стремнинами...

Во мне сказывалась южная, горячая кровь моей матери.

Мама моя была простая джигитка из аула² Бестуди... В ауле этом поднялось восстание, и мой отец, тогда еще совсем молодой офицер, был послан с казачьей сотней умирять его.

¹ Джигиты — рыцари-горцы (здесь и далее прим. автора, если не указано иное).

² Ау́л — селение горцев.

Восстание умирили, но отец мой не скоро уехал из аула...

Там, в сакле старого Хаджи-Магомета, он встретил его дочку — красавицу Марием...

Черные очи и горные песни хорошенькой татарки покорили отца, и он увез Марию в Грузию, где находился его полк.

Там она приняла христианскую веру, против желания разгневанного старика Магомета, и вышла замуж за русского офицера.

Старый татарин долго не мог простить этого поступка своей дочери...

Я начинаю помнить маму очень, очень рано. Когда я ложилась в кроватку, она присаживалась на край ее и пела песни с печальными словами и грустным мотивом. Она хорошо пела, моя бедная красавица деда!¹

10 И голос у нее был нежный и бархатный, как будто нарочно созданный для таких печальных песен... Да и вся она была такая нежная и тихая, с большими грустными черными глазами и длинными косами до пят. Когда она улыбалась, казалось, улыбалось небо...

Я обожала ее улыбки, как обожала ее песни... Одну из них я отлично помню. В ней говорилось о черной розе, выросшей на краю пропасти в одном из ущелий Дагестана... Порывом ветра пышную дикую розу унесло в зеленую долину... И роза загрузила и зачахла вдали от своей милой родины... Слабея и умирая, она тихо молила горный ветерок отнести ее привет в горы...

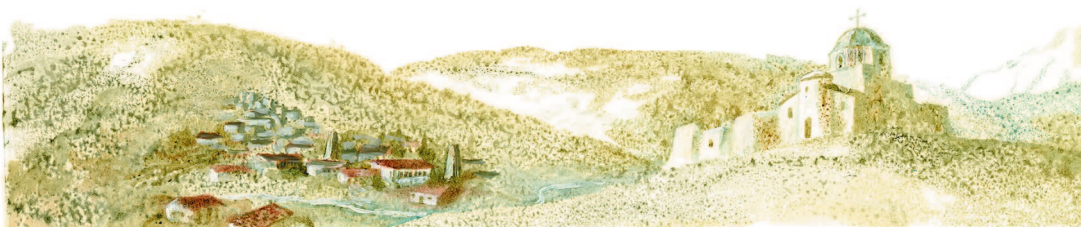
Несложная песня с простыми словами и еще более простым мотивом, но я обожала эту песню, потому что ее пела моя красавица мать.

Часто, оборвав песню на полуслове, деда схватывала меня на руки и, прижимая тесно-тесно к своей худенькой груди, лепетала сквозь смех и слезы:

— Нина, джаным², любишь ли ты меня?

¹ Дéда — мать по-грузински.

² Джаным — по-татарски душа, душенька — самая употребительная ласка на востоке.

О, как я любила, как я ее любила, мою ненаглядную деду!..

Когда я становилась рассудительнее, меня все больше и больше поражала печаль ее прекрасных глаз и тоскливых напевов.

Как-то раз, лежа в своей постельке с закрытыми от подступившей дремоты глазками, я невольно услышала разговор мамы с отцом.

Она смотрела вдаль, на вьющуюся черной змееобразной лентой тропинку, убегающую в горы, и тоскливо шептала:

— Нет, сердце мое, не утешай меня, он не придет!

— Успокойся, моя дорогая, он опоздал сегодня, но он будет у нас, непременно будет, — успокаивал ее отец.

— Нет, нет, Георгий, не утешай меня... Мулла¹ его не пустит...

Я поняла, что мои родители говорили о дедушке Хаджи-Магомете, все еще не желавшем простить свою христианку дочь.

12 Иногда дед приезжал к нам. Он появлялся всегда внезапно со стороны гор, худой и выносливый, на своем крепком, словно из бронзы вылитом коне, проведя несколько суток в седле и несколько не утомляясь длинной дорогой.

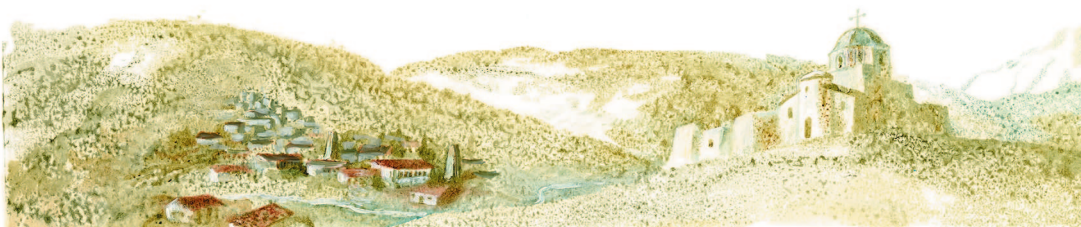
Лишь только высокая фигура всадника показывалась вдали, моя мать, оповещенная прислугой, сбегала с кровли, где мы проводили большую часть нашего времени (привычка, занесенная ею из родительского дома), и спешила встретить его за оградой сада, чтобы, по восточному обычаю, поддержать ему стремя, пока он сходил с коня.

Наш денщик, старый грузин Михако, принимал лошадь деда, а старик Магомет, едва кивнув головой моей матери, брал меня на руки и нес в дом.

Меня дедушка Магомет любил исключительно. Я его тоже любила и, несмотря на его суровый и строгий вид, я ничуть его не боялась...

Лишь только поздоровавшись с моим отцом, он усаживался с ногами, по восточному обычаю, на пестрой тахте, я вскакивала к нему на колени и, смеясь, рылась в карма-

¹ Мулла — священник мусульман (*прим. ред.*).

нах его бешмета¹, где всегда находились для меня разные вкусные лакомства, привезенные из аула. Чего тут только не было — и засахаренный миндаль, и кишмиш², и несколько приторные медовые лепешки, мастерски приготовленные хорошенькой Бэллой — младшей сестренкой моей матери.

— Кушай, джаным, кушай, моя горная ласточка, — говорил он, приглаживая жесткой и худой рукой мои черные кудри.

И я не заставляла себя долго просить и наедалась до отвала этих легких и вкусных, словно таявших во рту лакомств.

Потом, покончив с ними и все еще не сходя с колен деда, я прислушивалась внимательным и жадным ухом к тому, что он говорил с моим отцом. А говорил он много и долго... Говорил все об одном и том же: о том, как упрекает и стыдит его при каждой встрече старик мулла за то, что он отдал свою дочь «урусу»³, что допустил ее отречься от веры Аллаха⁴ и спокойно пережил ее поступок. Отец, слушая деда, крутил только свой длинный черный ус да хмурил тонкие брови.

— Слушай, кунак⁵ Магомет, — вырвалось у него в одну из таких бесед, — тебе нечего беспокоиться за твою дочь: она счастлива, ей хорошо здесь, наша вера стала ей родной и близкой. Да и поправить сделанного нельзя... Не беспокой же ты даром мою княгиню. Видит Бог, она не переставала быть тебе покорной дочерью. Передай это своему

¹ Бешмёт — род кафтана со стоячим воротником.

² Кишмиш — изюм.

³ Горцы называли русских и грузин, вообще христиан — *урусам*.

⁴ Аллах — Бог.

⁵ Кунак — друг, приятель.

мулле, и пусть он поменьше заботится о нас да поусерднее молится Аллаху.

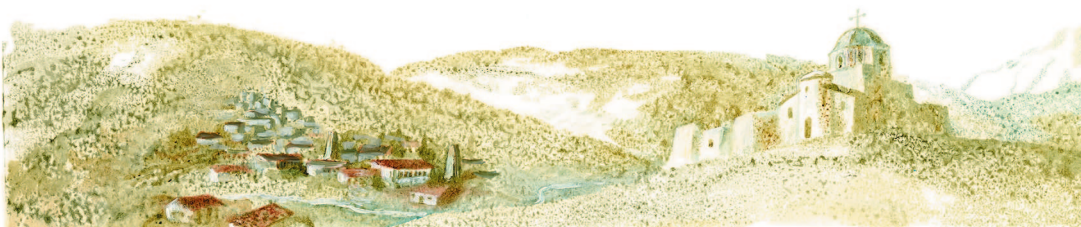
Боже мой, как вспыхнуло от этих слов лицо деда!.. Он вскочил с тахты... Глаза его метали молнии... Он поднял загоревшийся взор на отца — взор, в котором сказалась вся полудикая натура кавказского горца, и заговорил быстро и грозно, мешая русские, татарские и грузинские слова:

— Кунак Георгий... ты урус, ты христианин и не поймешь ни нашей веры, ни нашего Аллаха и его пророка... Ты взял жену из нашего аула, не спрося желанья ее отца... Аллах наказывает детей за непокорность родителям... Марием знала это и все же пренебрегла верою отцов и стала твоею женою... Мулла прав, не давая ей своего благословения... Аллах вещает его устами, и люди должны внимать воле Аллаха...

Он говорил еще долго, долго, не подзревая, что каждое его слово прочно западает в юную головку прижавшейся в уголок тахты маленькой девочки.

А моя бедная деда слушала сурового старика, дрожа всем телом и бросая на моего отца умоляющие взоры. Он не вынес этого немого укора, крепко обнял ее и, передернув плечами, вышел из дому... Через несколько минут я видела, как он скакал по тропинке в горы. Я смотрела на удаляющуюся фигуру отца, на стройный силуэт коня и всадника, и вдруг точно что-то толкнуло меня к Хаджи-Магомету.

— Деда! — неожиданно прозвучал среди наступившей тишины мой детский звонкий голос. — Ты злой, деда, я не

буду любить тебя, если ты не простишь маму и будешь обижать папу. Возьми назад твой кишмиш и твои лепешки; я не хочу их брать от тебя, если ты не будешь таким же добрым, как папа!

И, недолго думая, я быстро вывернула карманы, куда набрала привезенные дедом лакомства, и выбросила все их содержимое на колени изумленного старика.

Моя мать, прижавшись в угол комнаты, делала мне отчаянные знаки, но я не обращала на них внимания.

— На, на! И свой кишмиш бери, и лепешки бери, и армянские пряники... ничего, ничего не хочу от тебя, злой, недобрый деда! — твердила я, вся дрожа, как в лихорадке, продолжая выкидывать из карманов привезенные им лакомства.

— Кто учит ребенка непочтению к старости? — загремел на весь дом голос Хаджи-Магомета.

— Никто не учит меня, деда! — смело крикнула я. — Моя мама, хоть не молится на восток, как ты и Бэлла, но она любит вас, и аул твой она любит, и горы, и скучает без тебя, и молится Богу, когда ты долго не едешь, и ждет тебя на кровле... Ах, деда, деда, ты и не знаешь, как она тебя любит!

Что-то необъяснимое при этих словах промелькнуло в лице старика. Орлиный взор его упал на маму. Вероятно, много муки и любви прочел он в глубине ее черных кротких глаз, — только его собственные глаза заблестели ярко-ярко и словно задернулись набежавшей в них влагой.

— Правда ли, джаным? — скорее прошептал, нежели спросил, Хаджи-Магомет.

— О батоно!¹ — стоном вырвалось из груди моей матери, и, подавшись вперед всем своим гибким и стройным станом, она упала к ногам деда, тихо всхлипывая и лепеча

¹ Батоно — господин по-грузински; это слово прибавляют для почтительности.

